

Альбина Мамаева

Не ждано, не гадано

Новая болезнь

Михалина, крепкая старуха лет семидесяти с небольшим, плетётся по заметённому снегом тротуару. Ноги проваливаются, снег засыпается в катанки. Она хватается за штакетины палисадников и ворчит себе под нос:

— Я не с лешака ли расхворалась? Гли-ка, чё деетца: до больницы четыре избушки, а я уж два раз присаживалась на лавочки. Слава Бох, до Яшки дошкандыбала... Ой, тошно мне-ка, было обшатурило. Какá дикóвина навалилась? Ни силы, ни мочи—какэсь вся задóхлась. Хоть бы ишшо к врачихе не обробётъ, а то уведёт лешак по деревне... Да её тоже нэ за што винить. Из деревни молоды-то по городам разъехали, тут одна старушня осталась. Ей с нами хоть пополам разорвись. Вай, хто-то сзаде догонят, отойти некуда, кругом снежишша.

Оглянулась—Назар со своёй Таисьей, тоже кое-как ползут, ведут друг дружку.

— Здорово живёшь, Михалина. А на нашем краю ишшо вечёр сказывали: мол, Михалины нигде нету—видать, карачун пришёл. А она тут на чужой лавочке посиживают.

— Раз говорят—стало быть, долго жить буду.

Назар многозначительно поглядел на старуху, поднял кверху указательный палец:

— Вот это правильно, не поддавайся. Умереть-то ишшо никто не обробел.

— И не говори. Охота бы пожить-то... Дак болезнь не спрашивать, вишь как меня скрутило. До врачихи дотти не могу, все лавки по дороге собрала,— Михалина обмела снег с лавочки.— Садитесь, тут Аверьяновну не проглядим. Ну чё там в деревне слыхать? Есть новости?

— Дак как, есть. Только добрых нету. За эти дни вся деревня сполодимо в лёжку лежит. И старики, и помоложе.

— Ишшо не башше! Я из дому-то на этой неделе первый раз вышла. С ними хто-чево подековалось? Грып ли, хто ли ходит?

Таисья только руками развела:

— Вот тут и вся закавыка. Кака-то нова болезнь.

— Н-но! А как её звать, болезнь-то эту?

— Кабы я помнила! Памяти нисколь не стаёт... Названьё у ней наподвид шапки. И не здешняя болезнь-то. Из Китаю привезли...

Михалина от удивленья выпучила глаза:

— Ты подумай-ка, чё на белом свете деетца! Это вить надо додуматца—ажно из Китаю болести возить! Не ближний свет. У нас чё, своих мало?— она отвернулась к дороге, поплевала:— Тьфу-тьфу-тьфу, плюнь три раза, не моя зараза. Таисья, ты тоже поплрой через левое плечо, не помешат... Гли-ка, а как я-то не слышала? Ну дак как раз эти дни из дому не вылезала. Я шибко-то не хворала, жару большого не было. А по утрам голову от подушки поднять не могу. До стола кое-как доползу—какэсь задыхаюсь, и всё! Што, думаю, за лихо-манка меня трясёт? А сёдни с утра испчихалась вся да запокáшливала.

— Вай, Михалина! Хошь верь, хошь не верь. Это ведь она у тебя! Китайска болеть! Нас ёдак же трясло, в грудях всё спёрло—здышáть не даёт! Обои эдак хворали, фершалица домой к нам приходила. Сами-то первый раз идём. Дак на улице вить тоже ни с кем разговаривать нельзя, заразно. А в больницу зайдёшь—первым делом, от греха подалее, тебе намордник напялят. Маска называтца.

Михалина так и присела обратно на лавку: — Вот дак здорово живёшь! Жисть прожила, ни единого китайца в глаза не видела... Дак она откуль ко мне привязалась, эта шапка-то?!

— А я тебе уж сколь толмáчу, ты чем слушаешь? Ну-ка говори: давно по деревне бегала?

— Дак дён пять-то точно будет...

— К кому заходила?

— Чё сразу заходила-то?

— А то я не знаю тебя! Только из ограды выпусти— убежишь с гóлком, с собаками тебя не найдёшь.

— Дак забежала к Фаине. Она тоже вся искашлялась. Хлеба им свеженьково взяла. Потом побежала к Анфисье, выпросила у ней прялку. Дело-то к зиме, а у внучат, как на грех, все носки шерстяны износились. Ну да так, с кем на улице обопнулась...

Таисья со знанием дела только покачала головой: — Ну вот! Стало быть, у ково-то и нашла себе некрóба. Фершалица-то не здря наказыват: мол, перво-наперво по гостям не бегать, на улице или в магазине рот не отворя́ть. А от греха подалее эту маску носить. А ты чё, телевизер-то не глядишь? Гли-ка, ведь и по радиву, и в телевизере день и ночь трóсят: маски не сымайте, прививки ставьте! Там вить тоже не дураки сидят, в телевизере-то.

Михалина внимательно выслушала.

— Я бы глядела, да он чё-то напарухался, Вовка-сосед в мастерску увёз. А радиво давно выбросила, надоело—ревёт целыми днями. Дак ты думаешь, должны помогчи эти прививки?

Назар подтвердил:

— Паря, помогают, чё здря скажешь. Кому поставили, те не хворают, вот ведь чё.

Таисья опять взялась за старуху:

— Я тебе сколь могу трóстить: не бегай по деревне! — Дак ты тоже думаешь, это от некробов? Ничё не понимаю: где они прячутца-то, еслив, не дай Бох, у меня тоже завелись?

Таисья призадумалась:

— Не буду врать, сама не знаю, чё про них и думать. Ты-то ладно, вечно заворишь голову, ничё под ногами не видишь. А я-то в очках! Изо всех сил приглядываюсь—хоть бы нарошно, хоть бы одного увидеть! Вот убей—не понимаю, где их находят!

Назар как ждал—видать, накопело на душе:

— Ты уж молчала бы. Слепла она! Как у меня в кармане, дак каждую копейку найдёшь, а некробов—не видишь. Чем хвостать по деревне, в избе бы лучше лишний раз прибралась. По радиву-то все врачи в один голос трóстят: умывайтесь чашше! Где грязь, там и некробы! Ты чё думаешь, в загницах здря даже улицы с мылом моют? Не спорь со мной, я собственными ушами слышал!

— Да-а-а уж... Еслив ты, не дай Бох, не врёшь, по мытью мы за нимя не угóнимся,—Таисья повернулась к Назару, показала кулак.—А тебе хватит языком молоть, ботало коровье. Дома увидишь кузькину мать!

— Вай, Тайка, это што у вас за мода—середы улицы друг на дружку реветь?

— А нечево подслушивать! Мы с ним смолоду на ножах живём. А чё сделаешь, раз така у нас любовь? Ревём не ревём, а друг без дружки жить не можем. Ну дак вот, Михалина, я тебе так скажу: главно—не бегай пологрудом. Не дай Бох, залетит некроб за пазуху—намаешься с ним. Видишь, нихто не знат, чё с ними делать. Я уж думала, может, на них карасино побрызгать? Ты как думаешь?

— Лешак знат, ково делать... Видать, я не здря здоровьем-то ханула. Подымаюсь по утрам через великую силу. В ум взять не могу: неуж из-за них?

— А из-за ково боле? Из-за них, проклятых! Главно, их нихто не видит, а оне тебя грызьмя грызут... Вот вить чё!

— Ты мне скажи, Тая: спомнила, как шапку-то звать? А то врачиха спросит, чем хвораю, а мне и сказать нечево.

— Это ты про болюсь-то? Дак корона. Её царь заместо шапки носил.

Не ждано, не гадано

В пятницу, задолго до будильника, зазвонил телефон. Мама! Чего это ей не спится? Не ответить

нельзя, они ведь сейчас как маленькие, чуть что—прихворнули. Мама не дала сказать ни слова:

— Галя, ты почему не звонишь? Забыла, что сегодняя пятница?

— Извини, мама, напomini, в чём дело. Я зачем-то должна была позвонить тебе в пять утра?

— Иш как матери отвечаешь! Где огрызаться научилась?

— Мама, ты мне просто напomini... Подожди, я на кухню перейду, пока всех не разбудила...

— Я-то подожду. А ты, если любишь своих родителй, должна сама догадаться. Вот какой сегодняя день?

Я быстро перебрала в памяти числа, даты, праздники—ничего!

— Мама, ты издеваешься! Пятница случилась, сама сказала.

— Вот-вот, сама сказала. Вы-то не догадаетесь. Небось, вечером на дачу поедете?

— Как всегда...

— Конечно. И каждый раз оттуда приезжаете как из отпуска! А что родители как с курорта приехали осенью, так всю зиму в четырёх стенах и сидят, свежего воздуха не видят, вам горя мало!—всхлипнула в трубку.

— Так вы же наотрез отказались, ты сказала: вашей ноги там не будет. Что вы наработались за свою жизнь...

— Галина, тебе ли не знать, как я деревню люблю? Я же деревенская, если ты забыла. Помню, из Красноярска-то прилетишь на каникулы, так на снег наглядеться не можешь. Такой белый, пушистый, весь сверкает. А как я чистить его любила! Нагрёбёшь сугроб (на Ангаре субой называли), с горок накатаешься, придёшь домой насквозь мокрая. Всю печь мокрой одеждой завесишь...

— Ты, мама, извини, если я что-то путаю... Ты же рассказывала, только месяц (и то в сентябре) на краткосрочных курсах секретарей училась. Помнишь, ты ещё хвасталась: мол, если человек умный, дак ему и недели хватит выучиться? Дескать, нечего зря штаны просиживать. А? В сентябре-то даже на Ангаре сугробов еще не бывает. А теперь вспомни, сколько раз мы вас брали на дачу. Как приедем, так концерт! И как приходилось в этот же день вас обратно домой везти. Ты же не можешь в своих дорогущих сапожках по сугробу до крыльечка пробрести. Надо снег до крыльца расчистить, дров наколоть и наносить, печку затопить. А пока это делается, ты всех изведёшь...

— Вот только не надо так говорить, будто я такая капризная дурочка...

— Ну ладно, успокойся. Папа что, тоже едет?

— Это что за вопросы? Конечно, едет. Правда, он пока не знает. Только ты, доченька, не забудь, какое мясо мы едим. И продуктов на нас купить, фруктов побольше. Да, кстати, я на новой диете. Пожалуй, я лучше напишу тебе список, что нам

можно и чего нельзя... Ты после обеда заедешь в магазин, чтоб строго по списку всё купить.

— Мамуля, какой список? Мы ещё вчера всё закупили. После работы забираем детей и сразу едем. Даже домой не будем заезжать.

Я прямо увидела, как мама начинает кукситься. — Ну вот, я так и знала... Зовёте, зовёте в гости, а сами надеетесь, что мы откажемся.

Мама как-то умела одним словом убедить, что во всём виноват кто угодно, только не она.

— Ладно, составляй свой список.

— Ой, спасибо, как хорошо ты придумала. А кстати, что там нынешней зимой носят в вашей деревне? Мне шубу надевать или что попроще? Я тут пальто альпака купила, висит ненадёванное. Если я в это время года шубу надену, меня не обсмеют? Правда, к шубе надо будет подобрать головной убор... И сапоги. Снег-то там не подтаивает? Ну ладно, сделаем так: приготовлю пальто и шубу. На всякий случай. Точно! А то зачем тогда покупали, деньги переводили? Вот тебе задание на сегодняшний день — укомплектовать мои вещи. У тебя фантазии больше, подумай!

— Мам, я бы рада, но боюсь, что у моего директора немного другие планы на мой рабочий день. Мамочка, ты извини, я на работу опоздаю. Мне же надо завтрак приготовить, ребят собрать в сад.

— Неудивительно, ты же такая рассеянная и неорганизованная. А ты заметила? Вот всегда у тебя так! Я что, много прошу? Что на мamiны проблемы тебе наплевать, я уж молчу. Я всего и хотела только рассказать тебе, как я любила чистить снег. Представляешь, прилетаю в деревню, а там снегу-у-у! Главное, он чистый и пушистый. Наглядеться на него не могу! Но если тебе некогда... Я всегда знала, что работа тебе дороже родной матери.

— Ой, мамочка, я совсем опаздываю! Давай я тебе перезвоню. Или на даче поговорим...

— Я поняла, не хочешь мать выслушать! Вот всё время ты мне рот затыкаешь!

Как ни странно, вечером родители ждали нас уже одетыми. К чему бы это? Мало того, мамуля ни разу не пожаловалась на тяжёлую жизнь. И по дороге ничего не случилось. Но я-то знала: что-то должно быть не так, потому что с мамой спокойно долго не бывает. Мама всю дорогу не отрывалась от окна. Наконец подъезжаем к нашему участку.

— У вас что, соседи появились? Уж никак не думала, что в наше время кто-то обзарится на эту развалюху... Алкаши, небось?

— Да нет. Бабушка одна живёт. Хорошая такая, добрая. Наши Алёшка с Алиской в ней души не чают. Только из машины — сразу к ней.

Вот что значит усталость — потеряла бдительность. Мама же такая ревнивая! Сейчас начнёт рыдать и скандалить.

Ну так и есть! Мамуля прямо ахнула:

— Вася, нет, ты слышал? Да у них тут кругом бабушки и дедушки! Так, может, мы им и не нужны вовсе? А я-то думаю, что это они к нам раз в году навдываются? И зачем я только согласилась родить тебя? Отец уговорил: дескать, на старости опора будет. Вот тебе опора, гляди на неё! Я так и знала, что этим всё кончится. Да я всю молодость на вас с отцом угробила. Всё здоровье оставила. А ты?! Внуков ещё нарожала. Кто тебя просил? Им ведь тоже выниманье надо, а я хоть пополам разорвись!

— Нюся, остановись, — не выдержал отец, но маме уже попала шлея под хвост.

— О! А это, видимо, как раз ваша любимая приبلудная бабуля! Ну даёт! Где только авоську-то такую нашла? С ума сойти! И этой мымре в душегрейке ты доверяешь собственных детей? Господи, а галоши-то! Да моя мама сорок лет назад в таких дальше коровника не выходила! У-у-ужас! Галя, я тебя не узнаю. От такой соседки можно принести чёрт-те што! И хорошо, если только вшей да тараканов.

Мы с мужем (уж не говоря об отце) научены горьким опытом и стараемся помалкивать, пока у мамы завод не кончится. Но тут мы уже подъехали к дому, где нас встречала тётя Груша. А мама не собиралась замолкнуть:

— В общем, так! Если вы не прекратите общение с этой мымрой, считайте, что у ваших детей больше нет родной бабушки. И пусть тогда она сидит с вашим хулиганём! Короче, или я, или она!

Это был перебор, папа побледнел и очень тихо и внятно спросил:

— Нюся, я когда-нибудь был к тебе несправедлив?

Мама всё на тех же оборотах выкрикнула:

— Попробовал бы только!..

— А часто я тебя обижал?

Она только покачала головой: никогда.

— Тогда слушай внимательно. Вот сейчас, даже делая скидку на твой характер, ты перешла все границы. Одно дело быть вспыльчивой, а другое — хамкой. Я сам виноват, что распустил тебя. Но я не хочу, чтобы мои внуки видели такой бабушку. Я хочу, чтобы ты подумала, почему твои внуки убегают от тебя к постороннему человеку. К сожалению, ты орала так громко, что эта женщина должна была всё представление услышать. Так вот, если ты сейчас же не попросишь у неё прощения... Я даже не хочу говорить, насколько изменится наша с тобой жизнь. Поняла?

Машина остановилась, ребята наперегонки помчались к бабушке, а она причитала:

— Ой, тошно мне-ка! Да это хто тут приехал к баушке? Это хто ко мне врысью-то бежит? Крошки бабины, бабины комочки, не запнитесь об тротувар-то! Давайте-ка живо поворачивайте, бегите в баушкину избу. Я вить к приезду-то каралек настряпала. Все заходите, не стесняйтесь.

Она со всеми обнялась, поздоровалась и начала нас по очереди подталкивать к маленьким кособоким воротцам, а сама успевала расспрашивать: — Дак вы чё сѣдни долго-то ехали? Всѣ ли ладно у вас? Я уж все глаза проглядела. С пяти часов на дорогу заглядываю— вас всѣ не видать. Самовар два раз скипел. Печь вашу я протопила, пускай в избе согретца, потом уйдѣте. А счас пошли на чай. И не здумайте отказыватца, нарачі к приезду стряпала. Галя, дак ты кому там всѣ машешь-то? Гости с вами приехали ли, чѣ ли? Дак зови их, зови! Не бойся, всем хватит.

Мама поняла, что ничего не въсидит, упираться не стала, пошла со всеми. Но характер выдержала— шла молчком. Пришлось мне самой объяснить нашу задержку. Вот, мол, родители захотели с нами съездить.

— Вай, дак ты чѣ, Галечка, ни разу не сказывала, што мать-отец тоже тут живут? Я вить думала, оне далѣко где-то,— повернулась к отцу: — Дак вы пошто суды не ездите-то? Никаково курорту не нады. Речка рядом. Она хоть и небольшая, а все купаютца, ребяшня-то из воды не вылезат. Дак и рыбачат. Ну-у-у, што ты! И ельчики есть, и сорожки, и окуньки. Кто удочками рыбачит, а хто дак и сегушки ставит. А еслив любишь рыбачить, быват, и шшучка попадат, и налимчик,— остановила сама себя. — Вай, паря, одной-то тоскливо, дак каждому свежему человеку рада-радѣшенька. Мои разговоры не остановить— голодны спать ляжете...

Всѣ же тетя Груша довела всех до дому... Мама так и ахнула!

— Как в музее у тебя! А ты, Груша, сама-то откуда? Прямо в детство попала, ей-богу!

— А пойдѣм-ка суды. Я тебе покажу, как мы на родимой-то Ангаре жили. Я на этой половине не белила, силы не хватат. Вот взяла да на заборку обои приколотила. Потом карточки развешала. А в горнице-то всѣ как у маменьки было,— ото двинула шторину. — Иди суды.

— Вай, штой-ка, погоди! У тебя откуль дядя Ефим-то с тѣткой Марусей взялись? — поглядела на Груню. — Вай! Это неуж ты?! Грушка?!

— Да, паря, правду сказывали: дескать, загордилась Нюрка-то Ефимихина. А чѣ не гордиться-то? Дивья, мужик добрый попал, не конюх или тракторист какой-нить. Чѣ тебе деревенских-то помнить? Не нам чета... генеральша...

— Ради Христа, Грушка, это вправду ты? Вот никак бы на тебя не подумала! Вай, ну-ка иди поближе-то! Сроду бы тебя не признала. Ты вить така сбитая была да красношшюкая. А счас, девка, какэс как с креста снятая. Дак ты с чево тут живѣшь, на даче-то? У тебя вить изба добра была,— мама не выдержала, закричала: — Галя, ково вы там топчетесь на улице-то? Бегите-ка суды! Ну-ка, ты думаешь, хто эта баба Груня? Дак это вить Грушка Рожкова, с первого класса за одной партией сидели!

Со мной больше двух уроков никто не соглашался сидеть, а Грушке хоть бы хны! Или ты терпела?

— Дак всяко было... Тебя ведь только задень— ты пошла и пошла без ўдержу! А промолчишь— ты и забудешь, из-за чего ругалась. А я-то хоть с кем уживусь, така бесхарактерная.

— Помню-помню, на тебя хоть сколь реви, тебе всѣ хиханьки да хаханьки. Гли-ка, а ты ведь меня не признала...

— Врать не буду— не сразу, пока не заговорила. А потом вижу, замашки у бабы знакомые, все выходки Нюскины. А вот ты меня и счас не узнаёшь. Да не оправдывайся, я сама себя в зеркале не сразу узнаю.

Мама всѣ не могла успокоиться и поверить, что это правда её верная подружка, которая не один раз выручала.

— Ты моя родна, какой сѣдни праздник-от! Галюня, дак ты пошто нас эстоль время-то не привозила суды? Я дак нарадоваться не могу, свою задушѣвну подружку нашла! Дак я счас отцель вылезать не буду. И отца не выпущу. На дачах-то которы вить круглый год живут. А мы чем хуже? В ваших городах доброму человеку словом переброситься не с кем.

Я кое-как, сквозь смех, спрашиваю у мамы: — Мам, а ты заметила, как ты разговариваешь? Мам, это какой язык? Я за все годы ни одного ангарского слова от тебя не слыхала...

— Дак вот, возьми меня, дуру старую! На людях, конечно, не обязательно разговаривать по-нашему, а вам бы не худо было послушать. Я знашь сколь время отвыкала, а нет-нет да выскочит словечко. А я потом со стыда сгораю. Ума-то не было.

— А как папа? Он заставлял тебя правильно разговаривать?

— Вася-то не ангарец, он по-нашему не научился. Ну, надо мной, конечно, посмеивался. Но чтоб заставлял— оборони Бох. Он на меня дунуть боялся, не то што чево. До того меня любил— взамуж безо всего взял. За душой не то што копейки, одежонки никакой не было. В чѣм из дому вышла, в том и ходила до его первой зарплаты. Я-то уехала, а у самой душа болит: как вы тут горе ложками хлебаете? И помогли бы, а как? Вася всѣ в разъездах. Не успеем обжитца, опять уж чумадан складывать пора. Тоже всю жисть на казѣнных фатерах-то не шибко сладко. Но хоть мир повидали. Да и счас— чѣ здря говорить? Вишь вот— на пензии, а по курортам задаром ездим. Там же и одѣжу себе и ребятам подешевле берѣм. А счас помогать некому. Мама, царство небѣсно, давно уж нету. Рассказывай, ты-то как устроилась, Грушечка? Как сейчас поживаешь? Вижу, што несладко тебе.

Баба Груша призадумалась.

— Дак в колхозе вить одно обустройство— работа до упаду. Чѣ больше-то? Ты вот молодец, не побоялась с Васей уехать, даром што паспорт не дали

в колхозе. А я к тому время успела замуж выско-
чить и дитя родить. И от них не вырвешься, и без
них не уедешь... На работе-то, сама знашь, свету
белого не видали. Так и выходит: в колхозе было
худо, и без него не легче. Счас я тебе скажу, а ты
к себе не прикладывай и не обижайся, это я для
примера. Тебе работать негде было и некогда, раз
с мужиком по всему свету таскалась. Так? Так или
не так, а всё же ты не изработалась (между нами
говоря). А пенсию наравне с добрыми получаешь.
По двадцатке, поди, огребашь каждый месяц?

— По двадцать четыре...

— Я тебя не виню. Не сама вить ты её назначила.
А счас подумай. Я на пенсию другой год как вышла,
а до этого мантулила всю жисть, не разбирала,
бабья работа или мужичья. А получаю восемна-
дцать рубликов без пяти копеек. А хто раньше нас
оформлялся, они и таких денег в глаза не видели,
у них всё больше двенадцать да тринадцать...

— Христос с тобой, я с чево обижатца-то буду?...
Мама пока жива была, дак напрохот отправляли
то пятерку, то десятку. Она хоть и ругалась, а куды
деватца? Пензии-то на один хлеб хватало. Груня, я
чё-то тебя не спрошу: Витька-то твой где?

— Дак где... Где родился, там и живёт—в маминой
избе. Скоро сорок, самый мужик. Хочет при-
стройку сделать. Тесно им, никуды не вохóдят...

— Дак а ты пошто тут? Вы вить двоём остались,
никово нету. Ты да он.

— Так-то так, да у него ишло двое есть. А я чё? Из
годов выжила, а старуха кому нужна? С невеской,
сама знашь, язык держи на привязи... Лишнюю
корку хлеба не съешь. Она вроде и не скажет ничё,
а кусок в горле застрёт. Никак не уживамся с ней.
— Вай, Груня, ты ково кружашь? Я бытто тебя не
знаю! Ты скорей язык себе откусишь, чем изру-
гаешься...

— Сама не знаю. Так-то я не ругательна. Я как
засобиралась уезжать, дак вся деревня издива
вышла, никто не верил.

— Дак вот! От тебя ведь одна польза, уж минуты
без работы не посидишь.

— Леший знат... А погляжу на них: как Витька
дюжит? Она вить из больницы не вылезат, вся
исстона́лась. И что за мать? Ребёнчишка годами
не видит, растёт парень с отцом. Он уж из мочи
вышел. Я бы и помогла, дак она не даёт к парнишке
близко подходить. Ругатца: дескать, с Мишень-
кой надо правильно разговаривать, а я ему язык
засоряю. Чем я засорила? Я говорю, с Витькой-то
этим же языком разговаривала—и ничё, хороший
мужик вырос, здоровый. Ну вот, я подумала, раз
уж ей охота самой хозяйничать—пускай. Можеть,
она из-за меня дома не хочет жить, а счас пере-
едет из больницы-то. И мне тут спокойней. Одна
беда—тоскливо. Меня Витька-то сам суды пере-
возил, дак всё тут проглядел, записал. На скору
руку дыры заткнул, окошки вставил. Собирался

до зимы приехать отремонтировать всё да дров
привезти. Так и прожила зиму без ремонту, и дрова
не вóжены... А она, паря, до чего вредна! Сама не
едет и мужиков не отпускает. Витя-то, сколь раз
было, позвонит: дескать, стряпай пироги, приедем
нонче. Не успею обрадоватца—звонит, прошше-
нья просит: мол, все хотели поехать, да Эле худо
сделалось, какэсь заумирала. Я уж тут осердилась,
говорю Кольке, внуку-то: мол, дай-ка матери теле-
фон, я сама с ей поразговариваю. Вот всё сказала!
Не удержалась, прибавила... Ты, говорю, чё вытво-
ряшь? Нацию, говорю, укреплять надо, а у вас один
ребёнчишка. Для чево и живём—ребят оставить.
Эта умирающая сразу оздорóвела, заревела лихо-
матом: мол, сама тоже одного выродила. А я грю,
кабы Витиново отца на войне не убили, дак мы
бы и на трёх не остановились.

— Ладно-ладно, родна моя. Не говори и даже не
думай об этой невеске. Пускай. Куда деватца, раз
она мать твоёво внука? Жалко, конечно, што
в твоёй избе живёт... Да и чёрт с ней, пускай
подавитца. Лучше про себя расскажи. Как жисть
твоя после войны-то сложилась? Неуж так одна
и прожила?

Аграфена тяжело вздохнула, как всхлинула...
— Дак кабы одна... Витя-то подрост—бабы давай
меня сватать. Я было отнекивалась, а потом думаю:
и так вся истрепалась, кругом одна. Стала при-
глядыватца к приезжим. Поглянулсь мне один
сосланный. Ну и он на меня поглядывал. Забегать
стал. То дровишек наколет, то воды натаскат. Вся
деревня на него нахвалитца не может. Уж Жора
этот и умный, и работяшший, и сослал его по
ошибке. Бабе много ли надо? Ну и приняла я его.
Где моя голова была? А он уж такой услужливый,
такой хороший—хоть счас в пионеры принимай.
Но ненадолго хватило. Потом не знала, девка,
куды от него деватца. Не одну рюмку крови он
из меня выпил. Витька уж подрост, стал за меня
заступатца, а то, можеть, убил бы давно этот хоро-
ший-то. А двоём мы уж осмелели. В сельсовете
нас нагакáli в милицию гумагу написать. Боле
замуж не ходила.

— Эх, Грушка, Грушка! И пошто ты така неудалая?
— Чё-то уж ты заворотила! Зато с избой-то как
подфартило. И как угадала—рядом с твоими по-
пала. Дочь-то у тебя молёная, да и зять не худой. За
што бы она ни взялася, он уж тут как тут, помогать
бежит. Ни разу не слыхала, чтоб оне стýрили. А че-
лядята-то от Христа, таки любóуши. Не успеют
приехать, бегут опровергать то с конфетой, то с
яблоком. Все новости наперебой перескажут. И я
их дожидаясь по пятницам как своих. Ты ничё,
не против?

— Я хоть и здряшная, но всё же не без глаз. Ты
худому не научишь. Знашь чё, Груня, а давай мы с
тобой, как на Дворце, всё артельно делать? Точно!
Я побежала к своим, объявление сделаю.

Не прошло и получаса, смотрю, мама бежит, какой-то тетрадкой машет:

— Ну всё, у нас новый колхоз организовался. Назвали знашь как? «Ты мне, я тебе». У всех своя работа. Мой Вася с зятем — на тяжёлых работах: вода, дрова, ремонты. Первый договор составили. У тебя, Груша, изба на ладан дышит. А у молодых от ремонту матерьялу полно осталось. На крыше дыры закроют, трубу подделают, заплот подновят.

А старьё всё распилят — вот тебе дрова, на зиму хватит. Тебя определим в няньки, чтоб эти шмакодявки под ногами не крутились. Ну и пироги за тобой. Остальну еду готовим по очереди. Галя хозяйством заведовать будет. Ну вот, осталось директора назначить, но я уже подобрала кандидатуру. Директором буду я.

Не удержалась, погрозила пальцем:
— И чтоб слушались, а то вы меня знаете!